
М. Г. Котовская

**ВОЗНИКНОВЕНИЕ ГРУПП СМЕШАННОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ
НА СЕВЕРО-ВОСТОКЕ БРАЗИЛИИ (XVI—XVIII вв.)**

В отличие от социально-экономической и политической истории Бразилии, к исследованию которой уже неоднократно обращались советские ученые, опубликовавшие по этой тематике ряд интересных работ, этническая история этой страны еще недостаточно освещена не только в советской, но и в зарубежной литературе.

Между тем один из центральных вопросов этнографии — проблема складывания групп смешанного происхождения — имеет чрезвычайно важное значение для генезиса бразильской нации.

В данной статье исследование ограничено северо-востоком Бразилии, так как этот район в течение всего колониального периода был наиболее плотно заселен и освоен. Здесь также интенсивнее всего протекали процессы смешения всех трех основных групп населения — индейцев, португальцев и негров; именно в этом районе сложилось и то этническое единство, которое легло в основу формирующейся бразильской нации.

Этнический состав населения современной Бразилии крайне сложен: оно включает негров, индейцев, «белых» и значительное число лиц смешанного происхождения, образующих основную массу жителей страны. Между указанными группами бразильцев происходят интенсивные процессы этнического и культурного смешения. Разрушаются этнические барьеры, некогда разделявшие население страны. Расовые определители, игравшие столь важную роль в колониальный период, заменяются социальными. Тем не менее многочисленные традиции расовой изоляции и расовые предрассудки замедляют темпы национальной консолидации страны. Таким образом, в современной Бразилии наряду с широко протекающим процессом смешения наблюдаются и дезинтеграционные моменты. Эти сложные и противоречивые явления, действующие в бразильском обществе, невозможно понять без возвращения к истокам их возникновения, т. е. в колониальный период.

В колониальный период мы можем выделить два основных направления этнических процессов, протекавших в бразильском обществе этого региона. В начале существования колонии ведущим процессом была метисация населения северо-восточного побережья Бразилии — индейцев и португальцев. Позднее, в связи с массовым ввозом в этот район африканцев-рабов, на первый план выдвинулись этнические процессы метисации «белых» и негров. Взаимодействие индейцев, португальцев и негров привело к появлению новых групп населения, смешанных как в культурном, так и этническом отношениях.

К приходу португальских колонизаторов в Бразилии жили индейские племена, отличавшиеся друг от друга типом хозяйства, социальной

организацией, традициями. В северо-восточной части страны наиболее многочисленными были племена, относящиеся к семье тупи-гуарани, прежде всего тупинамба, петигуарес, тупиникинс, томиминос и тапес¹. Они заселяли территорию от крайнего севера прибрежной северо-восточной полосы до Эспириту Санту на юге. Группа индейцев тапуайя² состояла из множества крупных и мелких племен, также обитавших на северо-востоке Бразилии в непосредственной близости от племен тупинамба. Наиболее значительными из них были ботокуды, камаканы, каингангы, тимбирас.

Племена тупинамба, проживавшие на обширных территориях северо-востока Бразилии, отличались, по мнению французского этнографа А. Метро, определенной общностью в материальной и духовной культуре³. Это были наиболее развитые в социально-экономическом отношении племена Бразилии. Именно они первыми вступили в контакт с португальскими колонизаторами.

Примитивное подсечно-огневое земледелие было основным занятием индейцев тупинамба. Они выращивали маниоку, маис, картофель. В то же время тупинамба занимались рыболовством и охотой.

Деревни тупинамба состояли из нескольких больших общинных домов, в каждом из которых проживало от 15 до 30 семей, связанных родственными узами. Во главе такого общинного дома стоял старейший мужчина, подчинявшийся выборному вождю деревни. Дом, основные орудия производства, запасы пищи и т. д. были коллективной собственностью членов родовой общины и, что важно подчеркнуть, наследовались строго по отцовской линии. Счет родства тоже был патрилинейным⁴. Подавляющее большинство браков было кросскузенными⁵.

Обычно индейцы тупинамба убивали пленников, захваченных в столкновениях с другими индейцами. Но иногда наиболее сильных приводили в деревню, где они становились рабами — собственностью того или иного общинного дома. Через некоторое время раб мог жениться на индейке тупинамба, но при этом его не считали членом рода и его дети убивались как чужаки⁶. Это последнее обстоятельство сыграло позднее важную роль во взаимоотношениях португальцев и тупинамба.

Среди индейцев тупинамба были распространены представления о том, что души умерших переселяются в животных. Чтобы оградить ребенка от влияния злых сил, ему обычно давали два имени. Одно из них обозначало животного, которого ребенок напоминал какими-то чертами лица или повадками. Самыми распространенными из таких вторых имен были «Черный кот», «Могущественная змея», «Ягуар», т. е. названия наиболее почитаемых индейцами животных⁷. В честь этих животных в определенные дни устраивались ритуальные танцы-заклинания. Некоторые из этих обычаев тупинамба вошли в культуру метисного населения Бразилии.

Племена тапуайя в значительной степени отличались от индейцев тупинамба. У большинства племен тапуайя именно собирательство, охота, рыболовство были основными видами занятий. Вместе с тем они знали и примитивное земледелие, не являвшееся основным видом их хозяйственной деятельности. Орудия труда у них были крайне несовершенными. Жилище же тапуайя часто представляло собой простые заслоны от ветра.

¹ A. Ramos. Las poblaciones del Brasil. México, 1944, p. 58—59.

² Там же, с. 59.

³ A. Métraux. The Tupinamba.— «Handbook of South American Indians», v. 3. Washington, 1948, p. 97.

⁴ A. Métraux. Указ. раб., с. 100.

⁵ Там же, с. 101—102.

⁶ Там же, с. 103.

⁷ «Antologia das lendas do indio brasileiro». Rio de Janeiro, 1957, p. 11—13.

Некоторые из этих племен вели бродячий образ жизни, другие — переходили к полуседлому быту. У последних основной единицей социальной организации становилась деревня, жители которой были объединены кровнородственными связями. Во главе деревни стоял выборный вождь — иногда мужчина, а иногда — женщина. Часть племен тапуайя придерживалась патрилинейного счета родства, другая — матрилинейного. При матрилинейном счете родства дети женщины, независимо от происхождения мужчины, считались полноправными членами рода матери. После прихода португальских колонизаторов это сыграло важную роль в дальнейшей судьбе португало-индейских метисов, матери которых были индеанки-тапуайя.

Важную роль в жизни индейцев тапуайя играли шаманы, которые, по представлениям индейцев, являлись посредниками между людьми и духами. Шаманы также выступали и как знахари, предсказатели и т. п. Возглавляли они и церемонии инициаций.

Прошедшим посвящение вставляли в нижнюю губу боток (деревянный диск). Величина и форма ботоков служили показателем социального положения человека⁸. Это свидетельствовало о начале социальной дифференциации у тапуайя.

Этническая ситуация на северо-востоке Бразилии до прихода португальцев была весьма сложной. До середины XVI в. здесь происходило значительное перемещение племен, относящихся к лингвистической семье тупи-гуарани. Например, племена тупинамба вытеснили с территории современного штата Баия индейцев жес, которые впоследствии расположились крупным этническим массивом в районе современного штата Минас Жераис⁹.

Интересные факты, свидетельствующие о постоянных связях, существовавших между различными племенами индейцев северо-востока, были обнаружены при археологических раскопках в Минас Жераис. Как выяснилось, на индейцев жес значительное культурное воздействие оказали более развитые в социально-экономическом отношении племена тупинамба. Так, племена жес, не умевшие делать глиняную посуду, заимствовали способ ее изготовления у прибрежных племен тупинамба¹⁰. Индейцы северо-востока были связаны и с племенами более отдаленных областей Бразилии, например, Амазонии¹¹.

Первые португальские переселенцы, попавшие в Бразилию, составляли группу «белого» населения, весьма неоднородную. Это объясняется тем, что сама Португалия к началу покорения Бразилии не была единой в социально-экономическом, культурном и этническом аспектах¹². У жителей южных районов и Атлантического побережья Португалии в результате длительных контактов с арабскими завоевателями в материальной и духовной культуре сохранялись отчетливые следы арабского влияния. Жители горных и северных областей страны фактически не подверглись арабскому воздействию и продолжали в неизменном виде сохранять свои обычаи¹³. К концу XVI в. различия между северными и южными районами Португалии начали постепенно стираться. Однако они оставались еще настолько существенными, что ощущались среди португальских колонистов и в новой стране. Ярче всего этно-социальные различия между португальскими колонистами проявлялись в способах устройства в новых историко-географических условиях. В первые годы колониального этапа выходцы из северных и южных областей Пор-

⁸ В настоящее время этот обычай сохранился лишь у ботокудов, но до прихода португальцев он был известен почти у всех индейских племен северо-востока Бразилии.

⁹ A. Ramos. Указ. раб., с. 62.

¹⁰ C. Ott. Pre-História da Bahia. Salvador, 1958, p. 13

¹¹ J. Oliviam. Indígenas de Minas Gerais. [s. l.], 1956, p. 12.

¹² C. Ferraz de. Bosquejos de antropologia criminal. Lisboa, 1960.

¹³ J. Dias. Algumas considerações sobre áreas culturais (a área cultural luso-brasileira). Guimaraes, 1955.

тугалии селились компактными, отдаленными друг от друга группами. Так, родовитая и наиболее обеспеченная часть (как правило, это были выходцы из северных областей Португалии) стремилась к созданию крупных земельных владений. Менее зажиточные португальцы-северяне также пытались обзавестись собственным хозяйством. Они либо приобретали землю, либо становились арендаторами. Южане же, в массе своей выходцы из средних городских слоев (ремесленники, торговцы, мелкие лавочники), в Бразилии селились в поселках, где наряду с земледелием занимались ремеслами и торговлей. В дальнейшем некоторые из этих поселков превратились в крупные города.

Вот эти-то социально разнородные группы португальских колонистов столкнулись с бразильскими индейцами.

Отсутствие до середины XVII в. достаточного количества европейских женщин вынуждало португальцев вступать в многочисленные браки с индеанками.

В целом, у португальских колонизаторов не было предрассудков, мешавших сексуальным отношениям с индеанками. По мнению американского этнографа Р. Нэша, это можно объяснить тем, что сами португальцы еще до покорения Бразилии подверглись арабскому завоеванию¹⁴. Под влиянием культурных традиций времени арабского владычества, когда среди арабов смешанные браки были распространены, у португальцев сложилось терпимое отношение к таким союзам, которое они перенесли и в Бразилию.

В то же время было бы неправильно преуменьшать действие социальных барьеров между португальцами и индейцами. Прежде всего определенной преградой во взаимоотношениях индейцев и португальцев были различия в их социально-экономическом и культурном уровнях развития. Главным же барьером была колониальная политика метрополии, направленная на утверждение господства незначительной по численности группы португальцев и препятствовавшая их растворению среди преобладающего местного населения. Но уже в XVII в. «белых», родившихся в Португалии, — «*reínes*» начали отличать от уроженцев Бразилии — «*scíoulos*». Последних объединяли сложившиеся уже в Бразилии общие черты в материальной и духовной культуре; определенное единство экономической жизни, которая в первые годы существования колонии носила военизированный характер, семейная организация, местные религиозные культы. Именно необходимость покорения численно превосходящего автохтонного населения вела к объединению португальцев.

Вторжение португальцев сказалось на дальнейшем развитии индейских племен. Прежде всего менялись исконные места обитания индейцев, которые под натиском колонизаторов вынуждены были уходить в иные области Бразилии. Это вызывало новые волны миграций индейских племен XVI—XVIII вв. Изменился и самый характер миграций. Если до прихода португальцев они осуществлялись компактными массами, то в колониальный период индейцы уходили из своих мест часто разрозненными группами, вливаясь в иноэтнические племена.

Первые экономические контакты португальцев с индейцами складывались в виде обмена товарами. Индейцы поставляли португальцам отдельные сорта ценной бразильской древесины и пищу в обмен на металлические ножи, топоры, пилы и т. д.¹⁵ Примерно до 40—50-х годов XVI в. экономические и культурные контакты португальцев с индейцами были слабыми и нерегулярными. Организация крупных плантационных хозяйств на побережье, которая потребовала обеспечения их постоянной рабочей силой, привела к установлению постоянных связей этих

¹⁴ R. Nash. The conquest of Brasil. N. Y., 1900, p. 3.

¹⁵ A. Marchant. From barter to slavery. Economic relations of Portugal and Indians. The settlement of Brasil. Baltimore, 1942, p. 39.

двух групп и положила начало массовому обращению индейцев в рабов.

Для работы в аграрных хозяйствах португальцы использовали прежде всего индеанок. Это объясняется тем, что вследствие традиционного половозрастного разделения труда у индейцев именно женщины занимались обработкой земли, изготовлением одежды, посуды и т. п. Мужчины-рабы захватывались в основном для работы в рудниках и строительстве, ибо они не владели навыками обработки земли и ухода за посевами. Их роль в традиционном земледелии сводилась, как правило, к расчистке новых участков земли — работе крайне важной и трудной при подсечно-огневом земледелии, но не нужной при европейских интенсивных формах хозяйства.

Индеанки, занятые в хозяйстве португальца, и дети индеанок и португальцев часто входили на правах младших членов в семью португальца. Складывалось то, что бразильские исследователи называли «расширенными семьями», которые состояли из португальца и его нескольких жен-индеанок с детьми. Есть основания полагать, что связи с родом индейских женщин-рабынь в португальских поместьях разрывались. Их дети тем самым также оказывались вне социальной структуры индейского общества. Но надо учитывать, что смешение португальского и индейского населения происходило также в достаточно широких масштабах и вне ареалов развития земледельческих португальских колоний.

Судьба первых поколений индоевропейских метисов складывалась отнюдь не одинаково. В основном это определялось характером системы родства, принятым в группе их матери. Если система родства была матрилинейная, то метисы были полноправными членами рода, имели право наследования и т. д. Выделить их из индейских групп можно лишь условно: они продолжали жить вместе с индейцами, придерживаясь индейских обычаев.

Иначе обстояло дело в племенах, где родство передавалось по линии отца. Так, например, в племенах тупинамба, как и в большинстве других индейских групп тупи, только дети мужчины данного рода могли быть полноправными его членами¹⁶. Это приводило к тому, что метисы в племенах тупинамба оказывались бесправными чужаками. Они не только не были наследниками имущества рода, но и не посвящались в особо важные обряды и ритуалы племени. Им не разрешалось посещение мужских домов, где хранились священные предметы и где в устной форме передавались те или иные традиции рода¹⁷. Такой порядок приводил к довольно быстрому обособлению метисов от индейских групп тупинамба. Нередко случалось, что метисы, формально изгнанные из индейской группы, продолжали жить недалеко от нее и поддерживали отношения с индейцами рода своей матери. Со временем таких португало-индейских метисов, утративших связь с индейскими родовыми общинами, стали называть «кабоккло».

Уже в конце XVI — середине XVII в. среди кабоккло появляется тенденция селиться компактными группами. Это ярко прослеживается в географических названиях северо-восточного прибрежного района. Здесь в XVII в. появились такие названия, как «Гора кабоккло», «Озеро кабоккло»¹⁸ и т. п. Приблизительно тогда же у кабоккло возникли ритуальные пещеры, куда вход был закрыт и для индейцев, и для португальцев. Видимо, в это время у метисов стали складываться эзотерические культы, сведения о которых в настоящее время еще недостаточны.

О постепенном размежевании метисов и индейцев говорит и изменение употребления самого термина «кабоккло», который сначала обозначал просто принадлежность к индейской группе, а впоследствии стал

¹⁶ А. Métraux. Указ. раб., с. 97.

¹⁷ Там же, с. 103.

¹⁸ J. Oliviam. Указ. раб., с. 12.

применяться только по отношению к смешанному португало-индейскому населению¹⁹. Уже в конце XVII в. «кабокло» называли метисов, которые занимались сельским хозяйством и вели оседлый образ жизни. Их отличали от воинственных метисов «мамелуко», участвовавших в военных экспедициях португальцев.

В целом первые поколения метисов северо-восточного побережья отличались друг от друга не только преобладанием чисто внешних признаков (большей или меньшей степенью европейской или индейской крови), но и теми культурными традициями, которые они унаследовали от своих матерей-индеанок, входивших в разные индейские группы. Вся эта разнородная в этнокультурном плане группа метисов стала постепенно приобщаться к португальской культуре — овладевать португальским языком, принимать христианство и т. п.

Со временем в возникших прибрежных городах и пригородах начала складываться особая прослойка населения, состоящая из метисов и ассимилированных в культурном отношении индейцев, хорошо знавших португальский язык. Иногда они имели собственное хозяйство, в котором нередко использовали труд индейцев и негров-рабов. Португальское правительство в первые десятилетия существования колонии поощряло создание таких хозяйств для снабжения «белого» населения продовольствием, а также с целью защиты португальцев от нападений враждебно настроенных к ним индейцев. Показательно, что в XVI—XVII вв. крещеным индейцам и метисам, обязующимся помогать португальцам при столкновении с индейцами, предоставлялся участок земли, а иногда и материальная помощь²⁰.

В то же время португальцы, опасаясь столкновений с индейскими племенами, строго следили за количеством индейцев и кабокло, проживавших в городах и пригородах. Кабокло и индейцам разрешалось приезжать в город только в определенные, ярмарочные дни. Португальцам же, кроме королевских служащих, священников, хозяев латифундий, запрещалось посещение индейских деревень²¹.

Проводниками португальской культуры среди индейского населения, по мнению колониальных властей, должны были стать священники или миссионеры. Как правило, это были иезуиты — члены наиболее крупного католического ордена, активно действовавшего в Бразилии.

Чтобы облегчить надзор над индейцами, иезуиты сселяли их в сельской местности в искусственно созданные деревни (редукции), а в пригородах — в так называемые религиозные миссии. Целая сеть таких индейских религиозных миссий была создана вблизи Баии с целью снабжения ее жителей зерном, овощами, молоком и защиты от индейцев. Интересно, что в некоторых из таких миссий иезуиты практиковали денежную оплату труда индейцев²². В целом система организации подобных миссий в пригородах и редукций в деревне была одинаковой. Однако в деревне такие редукции обычно создавались как бы от имени индейского вождя, который и оставался номинальным правителем. Некоторые из таких вождей, пользуясь покровительством португальцев, богатели и начинали противопоставлять себя массе рядовых общинников.

Первым актом приобщения индейцев и кабокло к португальской культуре было обучение их формам ручного труда, принятым в Европе, и новым сельскохозяйственным навыкам. Одновременно велось обучение индейцев «лингва жерал», созданному миссионерами на основе языка индейцев тупинамба, или португальскому языку, а также распространение христианской религии.

¹⁹ N. Land. Variantes del papel desempeñado por la mujer en las comunidades indígenas brasileñas. — «América Indígena», 1976, № 3, p. 491.

²⁰ A. Marchant. Указ. раб., с. 91.

²¹ J. Oliviam. Указ. раб., с. 151—152.

²² A. Marchant. Указ. раб., с. 91—103.

В целом, основные мероприятия иезуитов по приобщению индейцев и кабокло к европейской культуре были следующими: 1) закрепление индейцев в определенных деревнях и миссиях; 2) обучение их новым навыкам сельскохозяйственного труда; 3) изучение индейцами португальского языка или «лингва жерал»; 4) приобщение индейцев и метисов к христианской религии. Этот последний пункт считался важнейшим в деятельности иезуитов, но и он, как и остальные, сначала не принес видимых результатов. Индейцы охотно выполняли внешнюю обрядовую сторону христианской религии, оставаясь равнодушными к ее сущности. При этом крещеные индейцы часто продолжали придерживаться своих традиционных верований.

Вследствие этого иезуиты пытались с детства приобщать индейцев к европейской культуре. Для этого ими создавался ряд начальных школ и коллежо-коллегий, своеобразных школ-интернатов. Важнейшие иезуитские коллежо находились в Баие, Рио-де-Жанейро и Пернамбуко²³. В эти учебные заведения принимались индейцы (особенно поощрялся прием в них детей индейских вождей), кабокло, которые и составляли в них большинство, а также дети обедневших португальцев. Мулатов (детей негров и «белых») стали принимать в них лишь в 1686 г. после специального королевского указа²⁴.

Обучение самых маленьких детей в этих школах начиналось с пения церковных псалмов. В средних ступенях изучали математику, риторику, классические языки, в высших — преподавались теология, казуистика, мораль. В подобных учебных заведениях происходило смешение индейских и португальских традиций. Дети разговаривали друг с другом на «лингва жерал», маленькие португальцы любили индейские сказки, песни, игры²⁵. В то же время, поступив в эти школы, индейцы и кабокло отрывались от материнской индейской культуры. Многие из них после окончания подобных школ становились монахами-проповедниками среди индейского населения.

Юридически всё население колонии делилось на две большие части: рабов и свободных. Рабы — первоначально индейцы и метисы, потом — негры и мулаты. Свободное население — «белые», свободные индейцы и отдельные метисы и мулаты (переход мулатов и метисов в группу «белых» в колонии был не групповым, а сугубо индивидуальным). Такой порядок облегчал сравнительно малочисленной прослойке португальцев управление численно преобладающим «цветным населением» страны.

Юридическому делению бразильского населения сопутствовало и его расовое деление. Так, высшие ступени в расово-социальной иерархии бразильского общества занимали «белые», низшие — негры и индейцы. Промежуточные ступени принадлежали мулатам, кабокло и ассимилированным индейцам. Последние могли зачисляться в группу «белых». Следовательно, организация иезуитских школ и коллежо косвенно способствовала увеличению привилегированной антропологически смешанной группы «белых», пополнявшейся за счет крещеных и получивших образование индейцев и кабокло. В группу «белых» входили также дети португальцев и индейцев, официально признанные отцом и при отсутствии законных детей наследовавшие его имущество. Такие случаи в XVI — начале XVII в. были не такими уж редкими. Особенно охотно португальцы женились на дочерях индейских вождей. Это давало им право как новым вождям использовать индейцев в качестве рабочей силы. Для укрепления такого своего положения португальцы присоединяли к своей фамилии обозначение рода, из которого произошла их жена.

Итак, на протяжении всего колониального периода происходило взаимопроникновение, слияние индейских и португальских культурных

²³ А. Métraux. Указ. раб., с. 100.

²⁴ J. Oliviam. Указ. раб., с. 151—152.

²⁵ J. L. Normano. Brazil. A study of economic types. N. Y., 1968, p. 56—57.

традиций и образование новой, смешанной португало-индейской культуры. Индейцы заимствовали у португальцев ряд трудовых навыков, новые культурные растения (европейские зерновые), домашних животных (лошадей), язык, религию, отдельные обычаи. Португальцы же перенимали у индейцев элементы строительства сельского жилища, традиционные земледельческие культуры и т. д., легенды, танцы, народные верования (например, веру в то, что красный цвет — любимый цвет индейцев — предохраняет от влияния злых сил). Португальский язык пополнился рядом индейских слов, главным образом обозначающих названия местных животных и растений. Показательно, что в настоящее время в бразильском варианте португальского языка насчитывается до 20 000 слов индейского происхождения²⁶.

Таким образом, в течение колониального периода на побережье северо-востока Бразилии сложилась смешанная группа кабокло, границы обитания которой были весьма подвижными. Эта группа не была однородной в социальном и культурном отношении. В нее входили кабокло, вышедшие из разных индейских племен. Степень близости их к португальской культуре, естественно, была неодинаковой и зависела прежде всего от места их проживания, длительности контактов с португальцами и т. д. В первые десятилетия колониального периода часть кабокло оставалась в индейских группах, другая — вливалась в состав «белого» населения. К последним в первую очередь относились кабокло, окончившие иезуитские школы, а также дети португальцев и индеанок, официально признанные отцом. Указанная категория кабокло постоянно смешивалась с незажиточными португальскими колонистами, вместе с ними образуя средние слои населения бразильского общества.

Образование смешанной группы мулатов было вызвано совершенно иными причинами и шло другим путем. Попытки использовать индейцев в качестве рабочей силы в латифундистских хозяйствах и на рудниках к концу XVII в. потерпели крах (высокая смертность индейского населения, нежелание их работать в плантационных хозяйствах и рудниках и т. д.). Индейцев заменили рабами-африканцами.

Вывоз рабов из Африки в Бразилию начался с середины XVI в. В 1585 г. общая численность населения колонии составляла приблизительно 57 000 тыс. чел.; из них около 14 000 тыс. были негры-рабы²⁷. До середины XVII в. Пернамбуко, Баия и Рио-де-Жанейро являлись крупнейшими центрами работорговли²⁸.

В Бразилию ввозились представители различных племен и народов Африки, стоявших на разных уровнях социально-экономического развития. Бразильские рабовладельцы старались приобретать негров в зависимости от характера работ, к которым они предназначались. Так, негры бантуязычные чаще использовались в сельском хозяйстве, негры же Судана, достигшие более высокого социально-экономического и культурного уровня и имевшие навыки в ремеслах, становились портными, кузнецами, строителями. Но главной сферой использования труда негров-рабов на северо-востоке было сахарное производство. Все это до некоторой степени определяло специфику размещения негритянских групп в Бразилии. При этом надо учитывать, что в Бразилии строго регламентировалось число негров одной этнической группы, проживающих в каждом отдельном хозяйстве, с целью предотвращения столкновений «белых» и рабов²⁹.

Во главе этих латифундий стоял «белый» хозяин, пользовавшийся практически ничем не ограниченной властью. Противоположную социальную ступень занимали негры-рабы, без которых само существование

²⁶ G. Freyre. *New world in the tropics*. N. Y., 1959, p. 200—203.

²⁷ H. O. Rodrigues. *Brazil and Africa*. Berkeley and Los Angeles, 1965, p. 42—43.

²⁸ N. Rodrigues. *Os Africanos no Brasil*. São Paulo, 1945, p. 217—218.

²⁹ G. Freyre. Указ. раб., с. 100.

плантационного хозяйства было бы невозможным. На таких плантациях северо-востока выращивали хлопок, табак, сахарный тростник, из которого изготовлялся сахар на экспорт, а злаковые культуры, овощи, фрукты — для внутреннего потребления. Негры в таких хозяйствах в основном были заняты сельскохозяйственным трудом, но они также работали там в качестве кузнецов, ремесленников, портных, нянек, кухарок и т. д.

Подобные владения представляли собой изолированный комплекс построек, среди которых выделялся каменный дом хозяина — «саза grande» («большой дом»), украшенный изображением семейного святого-покровителя. В подобных латифундиях негры-рабы и их хозяин составляли как бы единую социально-экономическую ячейку. Кроме того, негры-рабы и семья «белого господина» были объединены и в общую религиозную общину. Христианизация негров считалась одной из важнейших задач рабовладельцев, которых правительство обязывало обучать рабов португальскому языку и прививать им португальские обычаи³⁰.

В доме латифундиста часто проживали африканки-наложницы хозяина и их дети. Хотя латифундисты фактически никогда не женились на негритянках, в их среде не считалось предосудительным вступать в сексуальные отношения с ними.

Положение детей, родившихся от подобных союзов, было различным. Огромное значение для них приобретали чисто внешние признаки. Так, дети негритянки и «белого» хозяина с ярко выраженными негроидными чертами лица и темным цветом кожи, как правило, оставались с матерью. Однако они занимали несколько обособленное положение, потому что быть сыном или дочерью «белого господина» в негритянской среде считалось почетным. Такие дети и их матери нередко пользовались определенными привилегиями: освобождались от особо тяжелой физической работы, получали подарки и т. д.

Мулатов со стертыми негроидными соматическими признаками отец иногда освобождал от рабства. Случалось, что португальцы на льготных условиях наделяли своих детей-мулатов землей и помогали им стать свободными арендаторами или даже мелкими земельными собственниками. Именно они, как, впрочем, и определенное число негров, получивших тем или иным путем свободу (ремесленники, сумевшие выкупить себя на свободу, управляющие, надзиратели над неграми и т. д.), положили начало возникновению своеобразной расово-социальной категории «branco da terra» (букв. — «белый по земле») ³¹. В деревне процесс формирования указанной расово-социальной категории «branco da terra» начался уже в начале XVII в., но наиболее отчетливые формы принял в середине XVIII — начале XIX в.

Как исключение можно отметить, что «белый» иногда усыновлял «цветного» ребенка, если тот имел светлую кожу и европейские черты лица. В этом случае мулат входил в группу отца и становился «белым», получая таким образом все вытекающие отсюда юридические права. Латифундисты не препятствовали совместному обучению дома своих детей-мулатов и законных детей³². Наиболее способных из них посылали в города, где они, получив образование, обычно занимались техническими профессиями.

В целом, процент негритянского населения и мулатов в городах был ниже, чем в сельской местности, однако социальная мобильность осуществлялась здесь несколько легче, чем в деревне. В городах жили, как правило, так называемые «почетные рабы» — ремесленники, учителя, врачи, няни³³. В северо-восточном районе это чаще всего были негры-

³⁰ F. Azevedo. Canaviais e engenhos na vida política do Brasil, v. XI, São Paulo, 1958, p. 83.

³¹ H. W. Hutchinson. Указ. раб., с. 118.

³² G. Freyre. Указ. раб., с. 99.

³³ Там же, с. 118.

мусульмане. Некоторые члены этой группы по своему образованию превосходили многих португальцев. Служа в качестве врачей и учителей в португальских семьях, они нередко освобождались от рабства, женились на светлых мулатках, повышая тем самым свой социальный статус. Это способствовало расовому смешению и росту численности расово-смешанных групп. Показательно, что в Баие в этот период существовало тайное общество, которое негры-мусульмане создали для освобождения от рабства своих собратьев. В Баие в это же время также возникали специальные клубы негров-мусульман, а в Минас Жераис они объединились даже в особое религиозное братство.

Занятия ремеслами или даже «свободными профессиями» считались унижительными для португальцев. Согласно традициям, сложившимся в аристократических португальских семьях, старший сын наследовал род занятий отца, средний становился ученым, занимавшимся гуманитарными науками, младшие же обычно посвящали себя религиозной карьере. Поэтому на долю свободных мулатов оставались ремесла и технические профессии. Эта категория богатых мулатов довольно интенсивно смешивалась с малозажиточными «белыми» горожанами, образуя, так же как и в деревне, своеобразную группу городского населения прибрежной части северо-востока Бразилии «branco da Bahia» (букв.— «белый из Баии»).

Тем не менее переход мулатов в группу «белых» был все же весьма трудным и продолжался на протяжении жизни 3—4 поколений. В отличие от кабокло для мулатов при переходе в «белую» группу большое значение имели чисто соматические признаки, указывающие на долю африканской крови. В колонии сложилась такая ситуация, что, чем «белее» был человек, тем больше у него было шансов продвинуться по социальной лестнице.

Если первоначально мулаты входили в религиозные братства негров, существовавшие в Баие, Пернамбуко, Рио-де-Жанейро, то в конце колониального периода в этих братствах они составляли обособленную от негров группу³⁴. Частые столкновения негров и мулатов в конце XVIII — начале XIX в. указывали на начало размежевания этих групп. Среди негров Бразилии в конце колониального периода распространились поговорки, ясно говорящие об их отношениях к мулатам: «мулат так же обманчив, как цвет его кожи», «мулат — несчастная смесь негров и португальцев», «мулат из-за цвета своей кожи — человек без родины»³⁵.

Значительная часть мулатов оставалась рабами, но их все же легче, чем негров, освобождали от рабства. В 1828 г. в стране насчитывалось около 16 тыс. свободных негров и 40 тыс. свободных мулатов. А в 1835 г. только в Минас Жераис среди 170 тыс. мулатов лишь 1/4 оставалась рабами. Уже в 1883 г. в Бразилии проживало около 12 млн. чел. свободного «цветного» населения. Таким образом, большая часть мулатов ко времени отмены рабства была свободной³⁶. Причина этого явления отчасти объясняется тем, что с точки зрения «белых», мулаты, имевшие долю европейской крови, занимали несколько более высокое, чем негры, социальное положение.

Смешение португальских и африканских культурных ценностей происходило на протяжении всего колониального периода. Негры оказали значительное влияние на формирование музыкальной культуры бразильцев. В португальский язык вошли африканские слова и выражения. «Белые», индейцы, метисы участвовали в религиозных церемониях негров, например, в поклонении «Матери Воды». Традиционные африканские блюда превратились в излюбленную пищу бразильцев. Негры-вос-

³⁴ F. Azevedo. A cultura brasileira, v. III, São Paulo, 1958, p. 22.

³⁵ N. Rodrigues. Указ. раб., с. 58—59.

³⁶ Там же, с. 58—60.

питатели, негритянки-кормилицы, няни приносили в португальские семьи культурные традиции своей этнической группы.

Помимо основных расово-смешанных групп колониальной Бразилии — кабокло и мулатов — на северо-востоке страны существовали еще две своеобразные смешанные группы — сертанежу и кафузо.

Возникновение смешанной группы сертанежу началось с завоевания внутренних районов Бразилии. Европейцы проникали в сертаны (внутренние области Бразилии) еще в XVI в., но настоящее освоение этих областей началось лишь в XVII—XVIII вв. и продолжалось вплоть до нынешнего столетия. Покорение внутренних районов Бразилии шло как бы поэтапно. Основные мотивы экспедиций бандейрантес (от португальского слова «bandeira» — флаг) были экономическими: освоение новых земель, поиски драгоценных металлов, отчасти захват и порабощение индейцев. Для северо-востока важнейшими центрами формирования отрядов бандейрантес были Баия, Риу-Гранди-ди-Норти, Параиба и Алагоас³⁷. Отсюда отряды направлялись сначала в близлежащие области сертанов, а потом в более отдаленные районы.

Участие в этих военных экспедициях принимали практически все социальные слои населения страны, начиная от зажиточных португальцев и кончая беглыми неграми-рабами³⁸. По определению Жоао Рибейры, некоторые из этих отрядов были достаточно велики. Их внутренняя организация была похожей на структуру португальских поселений в Бразилии³⁹. В них можно было встретить представителей всех расово-социальных групп бразильского населения, но основная масса, и это особенно важно подчеркнуть, состояла из кабокло и ассимилированных португальцами индейцев тупи. Проникая во внутренние районы сертанов, часть бандейрантес оседала там, создавая небольшие деревни. Впоследствии некоторые из этих поселков превратились в важнейшие города внутренних областей Бразилии, такие, как Олинда.

Процесс смешения участников экспедиций с индейскими племенами внутренних районов во многом облегчался тем, что большинство индейцев сертанов северо-востока страны относилось к племенам тупи-гуарани или было ассимилировано ими. Общение участников экспедиций с индейцами внутренних районов обычно происходило на «лингва жерал»⁴⁰, основу которого составил язык тупи-гуарани. Но в целом в силу своего происхождения бандейрантес были носителями португальских культурных традиций. При этом португальская культура несколько упрощалась ими, «переделявалась» согласно специфике их восприятия. Это облегчало проникновение элементов европейской культуры в местную индейскую среду.

Наложение обычаев португальцев, ассимилированных индейцев, негров — участников экспедиций на традиции местных индейских племен приводило к формированию особой культуры жителей сертанов. В этой культуре заметно преобладало влияние индейского пласта. Так, даже внешне метисы сертанов, которые сначала называли себя «карибоко» (на языке тупи «карибоко» — «произошедший от белого»), а позднее «сертанежу», не были похожи на метисов северо-восточного побережья Бразилии, Амазонии, Сан-Пауло. Ибо довольно быстрое растворение «белого» и негритянского населения среди сравнительно однородных индейских племен вело к созданию единого в антропологическом плане смешанного населения, с отчетливыми соматическими признаками индейской расы⁴¹.

³⁷ S. *Ernani*. *Historia do Brasil geral e regional*, v. II. São Paulo, 1966, p. 99.

³⁸ A. *Ramos*. Указ. паб., с. 53—59.

³⁹ J. *Ribeiro*. *O descobrimento de Brasil*. Colombia, 1970, p. 52—53.

⁴⁰ E. *Cunha*. *Os sertões*. Rio do Janeiro, 1946, p. 105.

⁴¹ E. *Cunha*. Указ. паб., с. 100.

В культурном отношении метисы сертанов также отличались сравнительной однородностью. Основным занятием большинства жителей сертанов в XVII—XVIII вв. было разведение крупного рогатого скота и овец. Во главе скотоводческих хозяйств стоял, как правило, богатый португалец, который сам в сертанах не жил, а передавал ведение дел управляющим или арендаторам. Эти управляющие и арендаторы, часто обедневшие португальцы и метисы, в культурном и социальном отношении стояли ненамного выше своих работников — пастухов, подсобных рабочих. Кроме того, в таких хозяйствах работали индейцы из близлежащих индейских поселков. Мужчины выполняли тяжелую физическую работу, женщины готовили пищу, изготавливали одежду, делали глиняную посуду и т. д. В целом, подобные скотоводческие хозяйства представляли собой самообеспечивающиеся изолированные единицы. Это в определенном смысле предотвращало социокультурную разобщенность населения сертанов.

Надо отметить, что оторванность жителей сертанов от остального населения страны была также закреплена юридически законом от 7 февраля 1901 г., запрещающим установление постоянных связей жителей сертанов с населением других районов (этот закон был издан для прекращения бегства в сертаны негров и индейцев с рудников и из поместий Сан-Пауло). Именно замкнутость этих районов во многом способствовала формированию своеобразных традиций сертанежу.

В сертанах сложился тип жилища бедноты, напоминающий индейский шалаш, но сделанный из кожи. Сертанежу также носили кожаную одежду своеобразного покроя. Жители сертанов говорили на особом диалекте португальского языка, изобилующем заимствованиями из языка тупи-гуарани⁴². Складывались специфические песни и танцы сертанов. В христианские святцы вошли местные святые, например, Пеномокор или Эрисейра. Христианская религия соединялась здесь с верой в злых индейских духов, культом мертвых.

Уже в XVIII в. жители сертанов начали обособляться в самостоятельную группу, отделяясь от жителей других областей Бразилии, которые в свою очередь выделяли сертанежу из массы населения колонии.

Таким образом, в конце XVIII и начале XIX в. складывалась этнографическая группа смешанного населения сертанов — сертанежу⁴³. Сравнительно быстрое оформление этой группы объяснялось однородностью этнических и социальных компонентов, участвовавших в процессе этнического смешения, а также изолированным положением жителей сертанов.

Совершенно особое положение в бразильском обществе занимала смешанная маргинальная группа кафузо (дети негров и индейцев). Стоящие вне правовой структуры бразильского общества, кафузо стремились войти в негритянскую или индейскую группы, что зависело от преобладания того или иного этнического пласта в районе их обитания. Так, на северо-восточном побережье Бразилии они примыкали к неграм, в сертанах — к индейцам. К сожалению, мы располагаем крайне ограниченными сведениями об этой малочисленной группе населения северо-востока Бразилии. Поэтому процесс складывания кафузо будет показан лишь в общих чертах.

Хотя добровольные браки между неграми и индейцами были редки («воинственные индейцы» презирали сельскохозяйственные работы, считая их уделом женщин, а негры занимались именно земледелием; африканцы к тому же были основными участниками карательных экспедиций против индейцев), смешение этих двух групп все-таки происходило. Как уже отмечалось, в отрядах бандейрантес был некоторый про-

⁴² E. Cunha. Указ. раб., с. 105—107.

⁴³ O. Vianna. Populações des meridionais do Brasil. São Paulo, 1922.

цент негров-рабов (повара, носильщики, строители), обычно занимавших там подчиненное положение⁴⁴. Оседая в сертанах, негры смешивались с индейцами. При этом они, как правило, ассимилировались последними.

Кроме того, случалось, что восставшие негры-рабы бежали в леса, где поселялись вблизи крупных рек, недалеко от индейских поселков. Они похищали индейнок и «брали их в жены». Большинство таких беглых негров было ассимилировано индейцами. Интересно, что и сейчас по притокам крупных рек встречаются индейские племена с довольно отчетливо выраженными негроидными соматическими признаками. Есть основания полагать, что кафузо жили и в киломбо — крупных поселках беглых негров-рабов. Так, некоторые названия поселения в Палмаресе (основном центре беглых негров-рабов XVII в.) указывали на то, что там жили кафузо и индейцы⁴⁵. Индейцы и кафузо не были полноправными членами подобных негритянских поселений. В культурном отношении они придерживались обычаев господствующей в киломбо негритянской группы, стараясь всячески подчеркнуть свою близость к африканцам.

Таким образом, колониальный период был важнейшим этапом в складывании групп смешанного происхождения. В это время появилась этническая группа смешанного португало-индейского населения, которая в конце XVIII — начале XIX в. стала распадаться на две отдельные этнографические группы: кабокло северо-восточного побережья страны и сертанежу внутренних районов Бразилии. В колониальный период стали оформляться и маргинальная группа кафузо и группа мулатов. В процессе развития последней важную роль играл социальный аспект. Перемещение мулатов в более высокие социальные слои населения происходило через такие промежуточные расово-социальные категории, как «branco da terra» и «branco da Bahia». В дальнейшем все эти группы в той или иной степени приняли участие в формировании бразильской нации и стали ее важнейшими компонентами.

THE RISE OF MIXED-ORIGIN GROUPS IN THE NORTH-EAST OF BRAZIL (16th—18th CENTURIES)

The paper deals with the problem of the way groups of mixed origin came into being in the North-East of Brazil. The evolution of those groups is traced in the context of the ethnic processes that took place in the country as a whole in the 16th to 18th centuries. The author defines the place of each mixed-origin group in the complex social-political structure of Brazilian colonial society. Attention is centered upon elucidating the specificity of the historical and ethnic-cultural development of these groups in the period in question.

⁴⁴ R. Pinto. Rondonia. Rio de Janeiro, 1917.

⁴⁵ E. Carneiro. O quilombo dos Palmares. São Paulo, 1958, p. 15.